Н. И. ПИРОГОВ: ИДЕАЛ ЖЕНЩИНЫ

А. Г. КАЦНЕЛЬБОГЕН

Волгоград

Общественное развитие России начала XIX в. породило необходимость в новом осмысливании роли женщины в жизни страны. В передовых кругах интеллигенции оно шло с позиций идей школы русского Просвещения. Разработку данной проблемы в социально-политическом и философском плане начали в стране декабристы. Один из их идеологов Н. А. Крюков отмечал в самом начале столетия: *«Разум женщины и мужчины совершенно одинаков. Разница же, которую мы замечаем, есть ни что иное, как следствие воспитания. Будучи ограничена кругом домашнего хозяйства и семейных отношений, женщина не может столь упражняться в науках и словесности»* [3]. В силу условий исторического развития России декабристы не поднялись до требования полного равноправия женщин: согласно «Русской правде» П. И. Пестеля, им не предоставлялись избирательные права. Однако уже в уставе Союза благоденствия ставился вопрос о привлечении женщин к общественно-полезной деятельности. *«Женский пол, — говорилось в нем, — в Союз не принимается. Должно, однако ж, стараться нечувствительным образом склонять его к составлению человеколюбивых и вообще честных обществ, соответствующих цели Союза»* [2]. В «Русской правде» указывалось на необходимость гражданского воспитания юношей и девушек, достигших 15-летнего возраста. В легальной записке «Предметы, размышлению подлежащие» П. И. Пестель предлагал создавать «учебные заведения для женского пола при каждом университете, по 1-му для приготовления наставниц» [2].

В женском образовании декабристы видели неотъемлемую и существенную часть общего просвещения, отлично понимая всю его несовместимость с самодержавно-

крепостнической моралью. «Развитие образованности, — писал М. С. Лунин, — было усилено новыми началами, которые тайное общество ввело в народную мысль. Оно рассеяло почти общее предубеждение о невозможности иного порядка вещей, иного, не монархического устройства» [5]. На 1820 г. при воспитательно-сиротских отделениях в стране была создана 61 школа, в которых обучались и девочки. Не случайно А. С. Пушкин в своем произведении «Рославлев» мысли об истинном патриотизме вкладывает в уста княжны Полины, «знавшей Руссо наизусть, читавшей Монтескье». «Разве женщина не имеет отечества, — говорит она, — разве нет у них отцов, братьев, мужьев? Разве русская кровь для них чужда? Или ты полагаешь, что мы рождены для того, чтобы нас вертели в эскесах, а дома заставляли вышивать по канве собачек? Нет, я знаю, какое влияние женщина может иметь на мнение общественное. Я не признаю уничижения, к которому нас принуждают» [12].

В течение нескольких десятилетий Н. И. Пирогов выступал крупным идеологом «женского вопроса». Его работы по данному вопросу создавались на протяжении 40 лет и отразили эволюцию мировоззрения ученого. К числу его ранних работ на данную тему относятся статьи «Идеал женщины» и «Вопросы жизни» (40-е годы). Работы 1854—1856 годов («Севастопольские письма», «Исторический обзор действий Крестововоздвиженской общины») отразили резкую радикализацию либерально-просветительских взглядов ученого, в том числе в «женском вопросе». И, наконец, в 60—70-е годы он сумел в оценке данной проблемы подняться до уровня самых передовых требований революционных демократов (письмо к баронессе Э. Ф. Раден от 27.02.1876 г.). Следует отметить, что женский идеал ученого формировался не только под воздействием политических идей, но и под непосредственным воздействием конкретных незаурядных женских образов.

О работе Н. И. Пирогова «Идеал женщины» в сочетании с «Вопросами жизни» упоминал известный педагог А. А. Красновский [4]. Он отнес обе статьи к 40-м годам. Однако первая работа, несомненно, написана раньше «Вопросов жизни», возможно во второй половине 30-х годов. «Идеал женщины» не издавался. Рукопись работы была обнаружена нами в рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом). Она состоит из трех частей в соот-

ветствии с девизом, взятым в качестве эпитафии: «Молись, люби и трудись!». Уже первая часть ее, несмотря на внешнюю форму религиозности, проникнута религиозным вольнодумством. Утверждая человеческое достоинство женщины, ученый возводит ее роль в семье до уровня духовного лица. Он пишет:

«То, что в целом обществе поручается и всегда поручалось избранным людям, известным своей нравственностью, глубиной своих убеждений, знанием, образованностью наукой, то в семейном кругу должно быть поручено женщине... Она исполнит свое высокое призвание быть хранилищем и рассадником святых чувств своей семьи... Кто же, как не любимая женщина, может одушевлять нас чувством святого, кто, как не она, может блюсти за развитием и хранением его в наших детях? Жена и мать есть священник семьи, по крайней мере, в нашем семейном кругу. Только унижая, а не возвышая идеал женщины, общество породило в ней грустную потребность эмансипации» [6].

В работе содержится глубокое обоснование материнства как социального явления. Ученый призывает женщину-мать трудиться с целью самовоспитания во имя будущего не только своих детей, но и общества в целом, во имя «добра и истины в будущем поколении». Она выражает уверенность в том, что каждая мать способна стать достойной воспитательницей своих детей на уровне современных ей общественных познаний. Для этого она должна упорно заниматься самообразованием, «чтобы вполне соответствовать высоте и святости ее призванию — быть рассадницей добра и истины в будущем поколении [6]. «Чтобы истины, — пишет ученый, — нашли путь к юному сердцу, нужно женщине-воспитательнице самой хорошо знать, ясно понимать и глубоко чувствовать эти истины [6].

Н. И. Пирогов утверждал, что материнское воспитание должно рождать готовность к борьбе и жертвам во имя «истинного блага», во имя победы добра. Для этого нужно «готовить юное сердце детей». Таким образом, в его работе получила педагогическую разработку одна из основных концепций школы русского Просвещения: нравственное лицо общества в целом зависит от числа его добродетельных членов. Одним из основоположников этой идеи был Н. И. Новиков, активно проповедовал ее В. А. Жуковский.

С реальным воплощением в жизни этой идеи молодой Пирогов встретился в доме своего учителя по Дерптскому университету И. Ф. Мойера. Многие годы этот дом

является средоточием русской культуры. Здесь глубоким было влияние В. А. Жуковского, свято чтили А. С. Пушкина, как первого поэта России, постоянными посетителями были В. И. Даль, Н. М. Языков и другие крупные представители отечественной культуры. Теща профессора хирургии Екатерина Афанасьевна Протасова, родная сестра по отцу Жуковского, являлась душой и покровительницей молодежного студенческого общества. В советской литературе лишь отмечается ее крайняя религиозность, послужившая причиной разлуки Жуковского и ее дочери Маши, любивших друг друга. Однако личность эта была далеко неоднозначная, оказывавшая большое влияние на окружающих ее людей. Н. И. Пирогов вспоминал: «Добрейшая Екатерина Афанасьевна пригласила меня обедать постоянно с ними, и я с тех пор в течение пяти лет был домашним человеком в доме Мойера. Тут я познакомился с Василием Андреевичем Жуковским» [8]. Большую заботу о себе отмечал и молодой поэт Н. М. Языков. «Читал ли ты новую пьесу Пушкина «К войне»? — писал он брату из Дерпта. — Стихотворение как всегда хорошо... Я читал его у г-жи Протасовой, которая сильно обо мне заботится» [16]. Е. А. Протасову Пирогов называл своей «благодетельницей и второй матерью» [8].

Оставшись рано без мужа и практически без средств к существованию, она с помощью Жуковского сумела воспитать своих дочерей Александру и Марию высококультурными людьми, постоянно стремившимися к самообразованию. Мария Андреевна Протасова (по мужу Мойер) благородно прошла свой короткий жизненный путь. Она изучала медицину, овладела навыками акушерки, оказывала медицинскую помощь бедному населению. Надо полагать, что она вместе с мужем сотрудничала в Дерптском человеколюбивом обществе, отчет которого за 1822 г. привлекался к следствию по делу декабристов. Ее отличало стремление к общественно-полезной деятельности. В 1818 г. М. А. Мойер писала своей двоюродной сестре А. П. Елагинной: «Я нашла, чего искала: мужа, которого могу почитать, и жизнь независимую, и деятельную. У меня много хороших планов в голове, и я их непременно выполняю. Я ожидаю много хорошего от своих намерений: цель их хороша» [10]. С Александрой Андреевной Протасовой (по мужу Воейковой) Н. И. Пирогов мог встречаться в Дерпте. Эта исключительно обра-

зованная и обаятельная личность обладала тонким литературным вкусом, с которым считались такие крупные поэты, как Н. М. Языков, Е. А. Баратынский, А. А. Дельвиг, И. И. Козлов и другие. Она прекрасно рисовала. В 1822 г. вокруг В. А. Жуковского и А. Ф. Воейкова образовался в Петербурге блестящий литературный кружок, в который входили Н. М. Карамзин, П. А. Вяземский, А. И. Тургенев, В. К. Кюхельбекер, братья А. А., Н. А., М. А. Бестужевы и др. Душой кружка была «милая хозяйка». Ей посвятили свои стихи крупные русские поэты. В рабочих тетрадях Александры Андреевны остались выписки из произведений Канта, Шопенгауэра, Паскаля, Руссо и других мыслителей. Большое внимание она уделяла воспитанию своих детей, в чем видела «единственную реальную радость» в жизни. Рабочие тетради, дневники, письма незаурядных женщин бережно хранились в дерптском доме Е. А. Протасовой. Здесь же Пирогов испытал неразделенное чувство к юной Катеньке Мойер, дочери Марии Андреевны. С третьей племянницей Жуковского, Авдотьей Петровной Елагиной, ученый был хорошо знаком, обращался к ней по поводу сватовства к Кате. Московский дом Е. П. Елагиной, по оценке современников, являлся «средоточием и сборным местом всей русской интеллигенции, всего, что было ... самого просвещенного и научно-образованного» [15]. Здесь встречались А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, П. Я. Чаадаев, М. Ф. Орлов, В. Ф. Одоевский, И. Е. Дядьковский и др. Сохранились списки пушкинских работ, снятых рукой хозяйки дома. Через нее декабристки Н. Д. Фонвизина и А. В. Якушкина обращались к Жуковскому за содействием о разрешении на поездку к мужьям в Сибирь. Ее сыновья от первого брака, известные литераторы И. В. и П. В. Киреевские, были во многом обязаны своей матери. *«Знаешь, у кого ты выучился писать? — обращался Жуковский к И. В. Киреевскому. — У твоей матери. Я не знаю никого, кто писал бы лучше ее. Она, Марья Андреевна и Александра Андреевна — вот три»* [10]. В одном из писем Е. А. Протасовой к А. П. Елагиной говорится о том, что «бог дал ей детей на утешение и потребует ответа: талант дан для их воспитания».

15 февраля 1850 года Н. И. Пирогов зачитал в кружке генеральши Б. Ф. Розен рукопись своих знаменитых «Вопросов жизни», сделав интересную приписку буду-

щей второй жене, Александре Антоновне Бистром: «*Нота, которая в минуты своего вдохновения, услышав призывный голос высшей воли: иди на благородное призвание сочувствием утешить участь, для будущего жить в борьбе, взаимной жертвой воодушевлять готовность жертвовать собой, — пусть та протянет руку, сказав: «Да, я готова»* [7]. Вряд ли нужны доказательства того, что эти мысли ученого были навеяны образами декабристок. Следует отметить, что родной брат ее, Ф. А. Бистром, являлся членом организаций декабристов «Союз благоденствия» и «Южное общество». Только преждевременная смерть спасла его от преследований. Принятый им в Союз благоденствия полковник А. Г. Непенин был арестован и просидел 6 месяцев в Петропавловской крепости, а затем находился под негласным надзором полиции. Старшим адъютантом ее дяди генерал-адъютанта К. И. Бистрома являлся декабрист Е. П. Оболенский, живший в доме своего командира.

«Вопросы жизни» были опубликованы в «Морском сборнике» лишь в 1856 году, что дало основание ряду авторов публикаций связывать их содержание с событиями Крымской войны, в частности, с деятельностью сестер милосердия Крестововоздвиженской общины. Это ошибочное мнение весьма распространено, хотя работа была написана за 3 года до начала Крымской войны.

На страницах этой работы ученый осмысливает качественно новый женский идеал. Это уже не просто образованная воспитательница своих детей и хранительница нравственных устоев семьи. Это — личность, способная разделять общественно-политические взгляды мужа, умеющая разделять его судьбу, жертвовать своими благами во имя высоких целей.

Н. И. Пирогов писал: «*Пусть мысль воспитать себя для этой цели, жить для неизбежной борьбы и жертвований проникнет все нравственное существование женщины, пусть вдохновение осенит ее волю... Без вдохновения нет воли, без воли нет борьбы, а без борьбы — ничтожество и произвол... Но что если вас не поймет та, в которой вы хотите найти сочувствие к убеждениям, так дорого приобретенным, в которой вы ищите сотрудницу в борьбе за идеал?*» [7].

В 30—40-е годы XIX в. внимание передовой общности страны привлекали к себе замечательные женщины-декабристки, разделившие участь своих мужей-политкаторжан. В их поступке общественность увидела не

только «подвиг любви бескорыстной», но и акт социально-политического протеста. П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Спасибо женщинам: они дадут несколько прекрасных страниц нашей истории» [1]. Их образы привлекали внимание Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого. Об их судьбе хорошо было известно Н. И. Пирогову. Женившись в 1842 г. на Е. Д. Березиной, ученый вошел в круг родственных связей Пушиных-Малиновских, познакомился с супругами П. А. и В. Ф. Вяземскими, имевшими связи с ссыльными декабристами. В одном из своих писем М. Н. Волконская сообщала В. Ф. Вяземской:

«С тех пор, как я уверена, что не могу вернуться в Россию, вся борьба прекратилась в моей душе. Я обрела мое первоначальное спокойствие, я могу себя посвятить более страждущему. Я только и думаю о той минуте, когда надо мной сжалятся и заключат меня вместе с моим бедным Сергеем... И верьте мне, что счастье найдешь всюду, при любых условиях: оно зависит прежде всего от нашей совести; когда выполняешь свой долг и выполняешь его с радостью, то обретаешь душевный покой» [14].

Н. И. Пирогов лечил многочисленное семейство Пушиных, детей М. А. и Н. Д. Фонвизиных, С. П. и Е. И. Трубецких, В. Л. и А. И. Давыдовых. На даче ученого, под Одессой, жил с семьей своей дочери вернувшийся из ссылки декабрист С. П. Трубецкой. С ведома Н. И. Пирогова ссыльные декабристы одними из первых в стране познакомились с рукописью «Вопросов жизни», дав работе восторженные отзывы.

Проповедниками необходимости полного раскрепощения женщины стали в 60-е годы XIX в. идеологи революционной демократии: в этом они видели одну из важнейших проблем своего времени. Они требовали равных прав женщины с мужчиной. Их влияние на мировоззрение Н. И. Пирогова в тот период несомненно. Если в «Историческом обзоре Крестовоздвиженской общины» (1856 г.) и севастопольских письмах (1854—1855 г.) он, как правило, ограничивается описанием самоотверженной деятельности сестер милосердия, описанием их высоких личных качеств, то, спустя 20 лет, в известном письме к баронессе Э. Ф. Раден (1876) ученый рассматривает деятельность общины в широком социальном плане, видит в ней «знак новых времен». Интересно отметить, что через 50 лет ученый высказывает о женщине мысли, идентичные тем, которые высказал декабрист Н. А. Крю-

ков в 20-е годы. *«То, что противники благоразумной эмансипации, — писал он, — еще до сего дня утверждают, будто бы велика разница в организации полов... не выдержит серьезной критики. Женщина, если она получит надлежащее образование и воспитание, может хорошо усвоить себе научную, художественную и общественную культуру, как мужчина»* [8]. В 70-е годы, анализируя деятельность сестер милосердия в Крымской войне, Н. И. Пирогов писал: *«Этот столь современный женский вопрос есть сам по себе последствие и плод радикального стремления нашего времени и особого рода мировоззрения»* [8]. Давая оценку работы сестер милосердия, ученый утверждал, что женщины *«даже в управлении многими общественными учреждениями более одарены способностями, чем мужчины»* [8]. Он решительно высказывался за *«одинаковое общественное положение женщины с мужчиной»* [8]. Величие гражданского подвига выдающихся представительниц Крестововоздвиженской общины, прежде всего, Е. М. Бакуниной и Е. П. Карповой, ученый смог по-настоящему осмыслить под влиянием идей революционных демократов. В них он увидел личности, способные уже в силу собственных убеждений служить общественному благу. *«Вся ее личность, — писал Н. И. Пирогов о Е. М. Бакуниной, — дышала истиной, полная гармония царствовала между ее чувствами и действиями. Она точно составляла слиток возвышенного. Чем больше она встречала препятствий на своем пути самозабвения, тем более выказывала равности и энергии»* [9].

Екатерина Михайловна стала не только высоко квалифицированной медицинской сестрой, но и видным организатором медицинского обеспечения больных и раненых. Отважная женщина инспектировала военные госпитали в Крыму и на юге Украины, самоотверженно боролась с различного рода злоупотреблениями, административными беспорядками. В 1877 г. Е. М. Бакунина приняла предложение Российского общества Красного Креста и возглавила работу медицинских отрядов на Кавказском театре русско-турецкой войны.

Е. П. Карпова, по словам Н. И. Пирогова, *«молчаливого и тихого нрава»*, во время Крымской войны во многом определяла *«гармонию в воззрениях и действиях»* Крестовоздвиженской общины. Ученый писал о Елизавете Петровне:

«У нее много такта, последовательности и особенной самостоятельности в выполнении взятых на себя обязанностей. Попечение больных, надсмотр и контроль госпитальной прислуги введены были этими тремя личностями (Е. М. Бакунина, Е. П. Карпова и Е. А. Хитрово. — А. К.) с такой бдительностью и энергией, что их действия невольно повлияли на всех членов госпитальной администрации и все отношения в общине существенно изменились... даже лица из высшего военного круга не осмеливались, как бывало раньше, шутить над «небесно-голубыми глазами» [8].

Приняв в 1870 г. общину сестер милосердия Св. Георгия, она в четыре раза увеличила число ее членов, открыла при ней амбулаторию и больницу на 10 коек, на базе которой велась подготовка сестер. При участии С. П. Боткина Елизавета Петровна открыла при общине школу фельдшериц, на подготовительном отделении которой уже через год занимались 30 женщин. В период русско-турецкой войны 1877—1878 г. проявила себя блестящим организатором в борьбе с эпидемиями инфекционных заболеваний. Анализируя состояние военно-врачебного дела и частной медицинской помощи в период этой войны, Н. И. Пирогов отмечал: *«И Е. П. Карпова на театре военных действий в Болгарии, и Е. М. Бакунина, действовавшая в эту войну в азиатской Турции, могут служить для нас идеалом старших сестер» [9].*

Оценивая мировоззрение великого ученого, ряд исследователей, подчеркивая их противоречивость, указывают на его «крайнюю религиозность» в последний период жизни. Думается, это проявление крайнего примитивизма: религиозность всегда определяла основу нравственности Н. И. Пирогова и никогда не мешала его глубоко материалистической практической деятельности. В этом плане нам представляется интересным его высказывание, сделанное за 5 лет до кончины.

«Если же меня спросили бы, какое мировоззрение должно служить основанием для учреждения общины сестер милосердия в нашем обществе, то я могу дать пока только отрицательные ответы. Я могу сказать одно, что старокатолическое и протестантское мировоззрение для нас, как основание, негодны. Православные монахины, или учреждение диаконисс, тоже в наше время не годятся. Наша церковь не имеет никаких преданий для подобных учреждений, и она настолько консервативна и формальна, что не в силах примениться к насущным требованиям нового времени. Я думаю, что наши учреждения сестер не должны ничего заимствовать у западных, а должны установиться на новых началах» [8].

Итак, под воздействием передовых общественно-поли-

тических идей представления Н. И. Пирогова о женском идеале в течение 40 лет постоянно эволюционировали: от религиозно-нравственной педагогики социального материнства до требования полного равенства женщины с мужчиной в общественной жизни.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Архив братьев Тургеневых/Вып. 6. — Пг., 1921.
2. Восстание декабристов/Документы. В 15 т. — М.: Наука, 1925—1979.
3. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов/в 2 кн. — М.: Политиздат, 1952.
4. Красновский А. А. Педагогические идеи Н. И. Пирогова. — М.: Учпедгиз, 1949.
5. Лукин М. С. Сочинения и письма. — Пг.: Былое, 1923.
6. Пирогов Н. И. Идеал женщины. — ИРЛИ, ф. $\frac{6668}{XXXIV}$ б. 30.
7. Пирогов Н. И. Избранные педагогические сочинения. — М.: АПН СССР, 1952.
8. Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания. — М.: АН СССР, 1950.
9. Пирогов Н. И. Сочинения/В 6 т. — М.: Медицина, 1957—1962.
10. Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой/Уткинский сборник. — М., 1904.
11. Письма А. Е. и А. В. Розен. — И. В. Малиновскому// Голос минувшего. — № 7. — 1915.
12. Пушкин А. С. ПСС. — М.: Наука, 1962—1966.
13. Розен А. Е. Записки декабриста. — СПб, 1907.
14. Цявловская Т. Г. Мария Волконская и Пушкин//Прометей. — № 1. — 1966.
15. Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. — Л.: Наука, 1975.
16. Языков Н. М. Сочинения. — Л.: Худож. лит., 1982.

N. PIROGOV: THE IDEAL WOMAN

A. KATZNELBOGEN

Volgograd

Summary

The process of the moral and spiritual formation of the great scientist was reflected in his opinion about women. This evolution took place through 40 years in the 19th century passing from liberal enlighte-

ning to liberal-democratic views. And each time when generalizing the ideal there was a definite wonderful woman of Russia behind it.

The first ideal of a woman was formed by the end of 30-ies. This is the woman — mother who planted the seed of truth in future generations. The scientist holds the family in view and feels sad about «woman's need for emancipation». The originals behind this ideal are first of all the nieces of V. Zhukovsky (M. Moier, A. Vocikova, A. Elagina).

The second ideal of a woman for N. Pirogov was formed towards the end of the 40-ies under the influence of the fates of the Decembrists (M. Volkonskaya, A. Rozen, N. Fonvizin et. al.). This is the image of a woman who is able to share the social standing of her husband, his fate and render him moral support.

And, finally, the third ideal of a woman-scientist was formed in the 70-ies as a sign «reflecting the new age». Being a partisan of absolute equality of man and woman in society, he says that even in governing many institutions a woman may be more talented than a man. This pertains mainly to the heroine in the Crimean and Russo-Turkish wars E. Bakunina and E. Karpova Mother Superior of the Holy Cross community.

Кацнельбоген Анатолий Георгиевич

400119, Волгоград, а/я 868